

КРОВОСМЕЩЕНИЕ КОМЕДИЯ

О. ДЖУРКО

ХУДОЖНИК
М. АРТЕМЕНКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Джурко

Кровосмешение. Комедия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43656979

SelfPub; 2019

Аннотация

Время – неспешный закат язычества Римской Империи, зазевавшейся во времени на свое великолепие, перенесенный любительской труппой районного дома культуры в глубину России. Заквашен на ядреной детективно-любовной интриге. Фото для обложки, надписи на фото для обложки сделаны саморучно автором книги и обложки О. Джурко. Содержит нецензурную брань.

Любительская труппа районного Дома Культуры репетирует пьесу местного шалопая для показа на областном смотре самодеятельных коллективов. Доморощенной Автор очарован прелестными в своей естественной простоте текстами древних авторов, творивших во временах роскошного заката Римской империи, зазевавшейся в своей великолепии. Он пытается реализовать языческий, лишенный религиозного ханжества дух этих текстов в условиях современной реальности. Текст самодельной пьесы богат языческой экзотикой.

На сцене очень свойская, коммунальная атмосфера поселка. Театрализованный бардак. Вдохновенная суета. Буйство красок. Обилие венков, зелени, соломы. Полуодетые актеры тащат бедный самодельный реквизит. Причесывают, друг друга, надевают разноцветные хитоны, туники, сполы, тоги. По ходу пьесы свободные от монологов занимаются обменом валюты, подгонкой, примеркой костюмов. Кто-то в домашних шлепанцах. Портниха (Павлиния) бегают с метром, ножницами, лентами, ставит заплатки. А кто оделся – курят, флиртуют в сторонке, пританцовывают.

Художник (Предикал) невозмутимо дописывает задник., Гремит классический джаз. Радист пробует микрофоны – раз, два, три... Крово... кха... крово-смеси-тели... Крово-смешение, этих, богов, блин... Бу-нт... Бунт ста. Ста-ру-х-х-х... Крово-сме-ше-ние. Раз, раз... Дает музыку.

Много примитивной пантомимы. Актеры принимают потешные позы в зависимости от смысла речей: комические, трагические, умильные, безобразные. Часто карикатурные. Танцы импровизированные. Танцуют все в течение всей пьесы. Урывками, отбарабанив монолог, как бы репетируют без музыки каждый свой танец. Пантомима и танцы – живой фон – чувственная реакция на происходящее. Танцы пародируют современное стремление раздевать артистов догола, даже когда это и не в жилу спектаклю.

Боги уходят, приходят, потешаются, жестами комментируя происходящее вокруг, советуют, назидают, пьют, закусывают, плачут.

Маски, разные, не обязательно античные, есть карикатурные, позволяют одному актеру играть несколько персонажей.

У порога рисованной виллы, рядом с рисованной конурой, рисованной лохматой собакой спит в дребодан пьяный поэт Публий. Он же драматург, Виталик. ОН эстет. Он горько плачет, все всё делают не так как им задумано.

Нимфелия шаловливо дергает узелок парчовой набедренной повязки обнаженного Предикала-прислужника. Предикал ничуть не шокирован.. Под повязкой яркие современные плавки с надписями. Украдкой целуются.

Маша (весталка)ревниво косится. Эраста повторяет фокус с набедренной повязкой Предикала. Он хватает ее на руки, уносит в «кусты». Нимфелия, ревнуя, метнулась следом, но спохватилась, вернулась. У нее свой расчет.

Предикал, с пока непонятным расчетом, уговаривает весталку отдаться в недрах кулис.

Поскольку спектакль о репетиции спектакля, текст можно читать с листа, зубрить нет нужды.

Имена актеров написаны на одеждах.

Венера – Катя, невеста автора. 25 лет. Симпатичная. Невысокая подростковой худобы. Играет в трех масках. В маске собственно Венеры, в маске дамы Красота, в маске дамы Любовь.

Дамы Красота и Любовь – гипнотические виртуальные стихии, составляющие символа воображения древнего язычника по имени Венера. Драматург дал им поиграть наравне с артистами. Почитают себя идеальными видениями с божественными привилегиями вселенского масштаба, хотя обретают в абстрактном мире личного Воображения человека. Кичливы, отношения с Юпитером и Аполлоном вздорные. Их высокомерное равнодушие к нам, землям, позволяет невежам и проходимцам от коммерции эксплуатировать их мистический гипноз по-черному.

Береника беллафонта – нимфетка – Ольга – до 30 лет. Ярко красива, но холодна, высокомерна. Посланница Юпитера материализованный персиковый двойник Венеры. Персиковый, но полнофункциональный, муляж образцовой женщины неземной, божественной, потому гипнотической Красоты. Предполагается прародительницей земнородных Новых богов для Нового Земного Рая Идеальной Красоты и Люб-

ви. Подкидыш, найдена жрецом Беллафонта в пеленках на алтаре разрушенного временем храма Весты.

Агриппа – бандерша дома терпимости Райские Наслаждения – Бронислава Юрьевна Кастальская – Броня – режиссер спектакля, бывшая Питерская актриса. За 50 лет. Невысока, пышка с железным характером. Подвижна как ртуть. Бедовая насмешница. Сожительница некогда знатного, а теперь промотавшегося, просто знаменитого поэта Публия Секста Трубериана. За поясом Агриппы выразительно торчит хлыст. Хлыстом подстегивает актеров.

Публий Секст Трубериан – Виталий, журналист. В жизни жених Кати. Около 30 лет. Автор пьесы. Сценический Сожитель Агриппы. На его розовой тоге начертаны золотом его собственные изречения. Честная, чувствительная, добрая душа.

Предикал – прислужник, – Антон. За 30 лет. Фирмач. Скрытный, Целеустремленный красавец, тонкий манипулятор женскими сердцами. Сценический наложник Принцесса. Эгоист. Подлый, но ловкий тихоня-сластолюбец. То и дело утаскивает то одну, то другую даму за кулисы откуда раздаются красноречивые стоны экспресс-любви. Тщеславен, в театре из желания покрасоваться и полюбоваться собой. Мечтает присвоить богатства убиенного Директора Мясокомбината.

Захария– Маша. Весталка озабоченная проблемами плоти, бунтующей против умерщвления по обету. 30 лет. В жиз-

ни – влюблена тайно в Антона. Ревнует к Антону Веру – жене своего брата Виктора. Нежно симпатичная.

Гликера – 60 лет. Самая пожилая в труппе. В театре убивает одиночество.

Юпитер – Борис, следователь, майор. Около 40 лет. Бывший учитель. Всем хорош, всем подходящ, с философским подходом к взяткам. Но это взятки по мелочи. Бабник от скуки. Человечен. Мечта какая-то есть, но за семью печатями. Он прижился в роли обывателя, но в душе сознает, что живет не своей жизнью и слегка тяготится.

Аполлон – Жора, около 40 лет. Пофигист. Капитан ГАИ. Бабник экстремист. Красив, примитивен в простоте жизненных установок. Не мечтает ни о чем. Женщины дают все и с избытком, чтобы чувствовать себя счастливым обладателем гарема, который не нужно содержать на свой счет. Скорее наоборот.

Нимфелия – Вера, под 30. Местная роковая оболстительница. Красавица, изнывающая от неудовлетворенности тщеславия. Чувствует, что стоит больше, чем может дать (за ее красоту) захудалый провинциальный городок со всеми своими красавцами и богачами. Законспирированная избранница Антона. Эгоистка. Без души, совести и прочих моральных обуз. Оказалось, красота счастья не дает и это ее развращает.

Писистрата – 60 лет, Эраста – , 26 лет. Жизнерадостная потаскуха. Луперция – 45 лет. Кривилия – Старуха неопределенного Возраста.

Нонна Прохорова – 33 года. Толстая, но красивая – тру- доголик, жена убитого Директора мясокомбината Прохоро- ва, «мясника», спонсора самодеятельного театра. Любовни- ца Антона. Властного характера.

Антоний Принцепс, шут Юпитера. Деваха, Деваха. Толпа девах. Глашатай, центурион, гинекологи, палач. , меняя мас- ку, играют по 2-3 роли.

Занавес, сцена затихает. Занавес пытаются поднять, он со скрипом дергается. Не открывается. Слышно как выясняют отношения режиссер и рабочий сцены. На авансцену перед занавесом вереницей выходят актеры, произносят монолог и уходят.

Писистрата – И на нас лежит родовое клеймо безысход- ности далекой русской провинции. Жизнь городишки закон- чилась в одночасье 15 лет назад. Кормившие нас пара почто- вых ящиков – «приказали жить долго враз и навсегда». Мы не вняли этой эпитафии на кресте нашему будущему. Мы намерены жить и долго, и счастливо вопреки всем катаклиз- мам времени.

ЗАХАРИЯ – Работы нет – жизни нет. Жизнь кончилась, осталось только Прошлое, когда получали все поровну, а ра- ботали одни недоумки. Продолжаем жить по инерции в по- лусне ностальгии.

ЛУПЕРЦИЯ – О, Прошлое, о сермяжный миф всех вре- мен и народов, мы живем впроголодь, а вот ты процветаешь в нашей памяти только так. Ностальгия расписывает тебя в

такие яркие краски, что хочется закрыть глаза, ни о чем не думать, ничего не переиначивать и только вспоминать, вспоминать. Писистрата – А ведь и это, какое никакое, а счастье.

ПРЕДИКАЛ – И чем дальше – тем фантастичнее становятся наши воспоминания о Прошлом. ЭРАСТА – До того чудесным воспоминанием, что уже всерьез кажется – вот тогда-то мы и были счастливы без Свободы, без стриптиза и прожужжавшего все уши секса.

НИМФЕЛИЯ – А мне все едино – большевики или буржуи. Любим и блудим напропалую во славу щедрой нашей природы, и радость жизни распирает нашу роскошную грудь.

КРИВИЛИЯ – Плачем, целуемся, деремся до смеха. И только здоровеем.

НОННА – Три четверти державы, перебиваясь с хлеба на квас, несет на себе проклятое клеймо отверженности от культурных центров, от блеска звездных тусовок, от ауры полнокровной театральной жизни. Три четверти державы никогда не увидят в Большом театре Лебединое озеро, не научатся отличать мертворожденную коммерческую попу от вечно живого искусства жизненной правды, но мы продолжаем жить и веселиться на всю катушку. Вы сейчас в этом убедитесь.

АГРИППА – Да, мы самодеятельные потешники. Костюмы наши по бедности – нелепы. На грим нет денег. У нас все наружу, веселье и грусть, и глупость тоже. Наша веселость начальству кажется распущенностью, наша жизнера-

достность – провинциальной примитивностью. Наш феерический спектакль, поставлен самым Великим Режиссером Грез – маэстро Абсурдо и мы счастливы отдать ему весь пыл своего сердца.

ПУБЛИЙ В МАСКЕ ШУТА – Когда реальность отказывает тебе во взаимности, и нищета лягает тяжелым прозаическим копытом в душу, лучше с ней не связываться. И мы не связываемся. Мы сочиняем грезы и влюбляемся в свои фантазии. Это не трудно и не опасно, правда – больно. Необъятное пространство воображения полно чистейшего кислорода подлинных Надежд на Лучшее и подлинной Свободы самовыражения. Без этого мы не дотянем до очередного Светлого Будущего. Со времен язычества обещают нам эту лукавую Иллюзию. Мы истово верим в обещания и потому с нами обращались и обращаются как с дураками все, кому не лень прикинуться очередным Благодетелем. Не понятно, почему нам его до сих пор не пообещали.

ЛУПЕРЦИЯ – Эй, там наверху! Дайте же грезу! Хоть какую! Так хочется опять верить в очередную ахинею, так хочется! Мочи нет терпеть свободное прозябание. Дайте же что-нибудь

Виталик сбрасывает тогу и маску. Тело его разрисовано цветами. – Я – автор. Не выпускают нас режиссеры на сцену вместе с актерами. Не желают славой делиться. А я вот взял и явился пригласить вас пожить вместе с нами пару часов во временах счастливого заката благословенной Римской импе-

рии, зазевавшейся на свое великолепие. Не берите в голову нашу дерзость, не ищите сатиры на современность и на вас современников наших. Мы смеемся над своей провинциальностью., И вы вольны смеяться над нами, когда вездесущая Мораль, эта пыльная театральная традиция неуклюже пытается втиснуться в шутку и навеять скуку. Импровизируйте своим настроением как мы импровизируем вашим воображением. Будьте откровенны, отрываясь от реальности в иллюзии счастья. Итак, иллюзионисты к вашим услугам.

Занавес поднимается. Темно. На краю сцены в кругу голубого света юпитер разворачивает потешный рисунок динозавра, рассматривает.

ЮПИТЕР ВЗДЫХАЕТ – Хорош. Покорен, незлобив, вегетарьянец. И что тебе не жилось. Рай на земле царил, луга роскошные цвели. Сады плодоносили, нектара вдоволь, амброзии от пуза, ешь не хочу, так нет вот, взял и вымер.

Разворачивает второй рисунок, умилен.

ЮПИТЕР – А ты, дурашка? Тебе Юпитер чем не угодил? Ну что вам не жилось с квиритами в ладу?

Входит **АПОЛЛОН**, рассматривает рисунок.

АПОЛЛОН – Лепота! Вот были времена. Ни ревности, ни зависти, ни пьянства. Вот скука до чего доводит. Взял, налепил квиритов, империю создал, и скверна власти Рима изгадила твой Рай вегетарианства.

ЮПИТЕР – Еще не вечер. Ну что им не жилось...

АПОЛЛОН – Ай, перестань. Одной травой сыт не будешь.

Красоты не хватало этим уродам. А как увидели Адама с Евой голяком – так от тоски и перемерли. Вот это была Красота. Но слишком яркой для вегетарьянцев. И Любовь у них была – слезы ребенка чище. Одни восторги целомудрия и никакого секса. Вот если бы не нагота. Зачем ты их родил нагими? Покрыл орангутангов шерстью, рыбу – чешуей и этих субчиков одетыми родил бы. Глядишь, и выжили бы динозавры, пощадила бы вегетарьянцев Красота.

ЮПИТЕР – Хотел как лучше... Прикрытая одеждой Красота фальшива. Как мысль, прикрытая молчанием коварства.

АПОЛЛОН – Пора забыть, отец. Завел ты эволюцию в тупик, ну значит не судьба прижиться Раю на земле. Зато вот Красота с Любовью прижились.

ЮПИТЕР – Еще не вечер, отрок. Всю ночь не спал. Тебе секрет доверю, как старшему из нынешних богов.

АПОЛЛОН заинтригован – Секрет? Ого! Сегодня я дежурил на Олимпе. Тревожной ночь была. Скандалили дриады, с нимфами, не поделив ручей Кастальский. Эрот без дела ошивался под твоим окном. Венера выговаривала Весте за послабления весталкам. Зачем, мол, разрешила молоко по праздникам весталкам. И вдруг, смотрю, перед рассветом, скользнула из твоей опочивальни тень. Легка, как шелест сладкой лестницы в устах влюбленного поэта. Эрот изменчивый на руки подхватил ее и были таковы... Тать! Подумал. Нет, Венера бросилась в погоню... И тут же на Земле залаяли

собаки, проснулась крепостная стража, подняла тревогу...

ЮПИТЕР – И вот, сын мой, решил я, наконец, еще раз счастья попытать. Раз не хватало динозаврам Красоты – создам я Рай, царицами где будут не целомудрие, цветущее природы и сны безгрешные могучих динозавров, а...

АПОЛЛОН – Ха! Понял! Секс будет царить! Какой наивный ты, батянька. Давно уж правит миром Секс. И правит так жестоко, что ни один кровавый деспот не сравнится с ним в тиранстве.

ЮПИТЕР – Нет, сыночка, неопикуемая Красота и несказанная Любовь царицами в Раю новейшем будут.

АПОЛЛОН – А ты никак влюблен, отец Богов? Не спишь ночами, в опочивальне тени тайно принимаешь... Счас скажешь, то был лазутчик, приставленный тобой к Принцепсу, выведывать злокозненные планы противу тебя? Ась?

ЮПИТЕР – Лазутчик, лазутчик, милый следопыт... А вот моя последняя надежда. Миниатюрный динозаврик Гоша. Хорош? Скажи.

Юпитер показывает рисунок петуха.

АПОЛЛОН – Так это же куренок! Сынуля куры Рябы.

ЮПИТЕР – Верно! Зато какая родословная. Вот порода, я тебе скажу! В начале неудавшегося Рая это был гигант Ихтиозавр, и весил пращур Гоши тонн пятнадцать, как не больше. Правда, с аппетитом паровозной топки. Травы, цветов, про сено уж молчу, – не напасешься... А Гоша мой, пострел, хоть помельчал за сотню тысяч лет, и с виду неказист, зато

он пережил Потоп, Всемирное Обледененье, Атомную зиму, всех динозавров пережил и в ус не дует!

АПОЛЛОН – Мельчает всё. Наследники, невинность, даже чувства...

ЮПИТЕР – Ну да! Мельчает! Зато живучесть возрастает и неприхотливость! Не только выжил Гоша, побил он все рекорды плодовитости. В любом дворе кудахчут милые его подружки. А ест как самый строгий йог. Там клюнет зернышко, там червячка прихватит и сыт! А голосист! Я посоветую Принцепсу фанфары отменить и громом петушиным повергать сердца квиритов в послушанье.

АПОЛЛОН – Ну, знаешь...

ЮПИТЕР – Не сомневайся, сын. На этот раз не промахнусь. Всем поровну всего – и корма, и Красоты с Любовью. И чтоб никто друг перед дружкой ростом не кичился.

Громкий, частый стук деревянных котурнов.

АПОЛЛОН – Вот и сестру нелегкая несет. Опять не в духе. Пойду-ка я, с утра испортит настроенье.

ВБЕГАЕТ КАТЯ – ВЕНЕРА. Машет руками, как курица крыльями.

ВЕНЕРА – Переполох, переполох на небесах!

ХОР – На небесах переполох!

ЮПИТЕР поспешно сворачивает рисунки – Как переполох!? Что стряслось, доча?

ХОР – Сбежала от тебя любимая нимфетка Береника.

ВЕНЕРА – Как есть сбежала! Спал на дежурстве АПОЛ-

ЛОН и прозевал беглянку. Стакнулась с Эротом и сбежала. Я думаю у них роман...

ЮПИТЕР – Как роман? Эрот дряхлее Посейдона, а тот уж тыща лет как мух не ловит.

ВЕНЕРА истерически смеется – Очнись, старик, предрекаю, не воротится на небо Береника. С людьми блудить начнет твоя зазноба. Вот, посмотри, что будет через двадцать лет.

Венера подает Юпитеру большую лупу.

ВЕНЕРА – Смотри, Империя ликует, на щитах несет гвардейская когорта Беренику на Палантин, в твой храм. Сейчас ее объявят Живой Богиней Красоты. И выкинут твои статуи в реку.

ЮПИТЕР – Опомнись, дочь. Она еще дитя. Ее вчера только в пеленках нашли на алтаре храма Весты, разрушенного изверженьем Этны.

ВЕНЕРА – Дитя! Ха-ха! Да двадцать лет минуют как одно мгновенье. Предрекаю истинно, как вырастет нимфетка, свергнет императора, сама Принцепсом станет и бортанет тебя, старик.

ЮПИТЕР – А что я говорил. Обидели девчонку. По красоте своей невыразимой она имела право претендовать на роль доподлинной богини. И я бы рад был дать божественный ей сан, да ты скандал мне учинила. Вот если бы как старшая богиня ты рассудила по уму, и поделилась статусом своим с нимфеткой – беды бы не случилось.

ВЕНЕРА – Не божеское дело с выскочкой делиться. Если бы не соня Аполлон...

Появляется Аполлон.

АПОЛЛОН – Да, я честно спал, а ты? А ты подглядывала за Царем Богов. Большая честь Юпитеру.

ЮПИТЕР – Ребята, живите как я с Юноной. Чем реже видимся, тем счастливее.

АПОЛЛОН – Скажи, упрямица, зачем тебе царить три тыщи лет в двух лицах, зачем повелевать не токмо Красотой, но и Любовью. Не накомандовалась, что ли?

ЮПИТЕР – Ну, да. Вот дал бы Беренике сан богини Красоты, а ты богинею Любви осталась бы, чем плохо? И миром разошлись бы. Делиться надо, ныне времена такие. А не поделишься, – последнее отнимут, да и с Олимпа свергнут только так.

ВЕНЕРА – Да кто она такая? Даже не из глины, как горшков-квиритов, из персиковой мякоти ты вылепил ее себе в утеху. Зачем делиться мне с соплячкой?

АПОЛЛОН – Затем, что молодость всегда права, какой бы дурью ни терзалась. Наслушались реклам – «бери от жизни все и по максимуму» – теперь не остановишь.

ВЕНЕРА – Мала еще нахалка быть богиней.

ЮПИТЕР – Опять ты за свое. Делиться надо, чадо виртуальное мое. Что как, от чар девчонки изнывая, нас не спрося, действительно провозгласят квириты Беренику молодой Живой богиней Любви и Красоты, а? Лишат тебя последней

синекуры. Ну, что тогда? Зачем ты им, старуха?

ВЕНЕРА – Твори что хочешь, Красоту на поругание квирирам не отдам. ...

ЮПИТЕР – Напрасно хорохоришься. Обузой станешь для Олимпа. Уволить не могу тебя, не властен над фантазией квиритов, низвергнуть в Тартар – жалко, ты хоть и виртуальная, а дочь Царю богов.

АПОЛЛОН – Прикинь сама... Ты – далеко, на небе, а Береника – рядом, – на земле. Да заодно с тобой и я могу лишиться сана Царя Богов. Да как бы нас гуртом не помели с Олимпа, восторженные почитатели красавицы-нимфетки.

ВЕНЕРА ЛУКАВО – Вот этого не будет никогда, пока я полновластная богиня.

ЮПИТЕР – О, женщины! И сан божественный от жажды мести не спасает. Я ведаю, что ты замыслила. Злой умысел напрасно ты лелеешь. Разоблачить фруктовую нимфетку Беренику не позволю! Иль я не Царь богов.

ВЕНЕРА – Раз царь – блюда обычаи священной старины. Не смеешь допустить кровосмешенья Земной реальности и вымысла поэта, что навязал нам стать героями уродливого пасквиля о нашей жизни.

ЮПИТЕР – Я-то блюду наш интерес, но молодости все по барабану...

АПОЛЛОН – Старуха ты, где угодить тебе новейшей молодежи.

ЮПИТЕР – Последний упреждаю раз, не смей мешать

нимфетке. Запомни, доча, должна прижиться у квиритов Береника. Должна, кровь из носа – должна! И ты мне в этом будешь помогать, не то низвергну в Тарар, кочегаром будешь шмуровозить у котлов с кипящею смолой.

ВЕНЕРА – О, Горе олимпийцам! Отец наш выжил из ума. Вымыслами драматурга ты еще владеть не научился, отче. А вот что стал ты пленником коварства Береники – это факт. Признайся, что-то ты задумал в тайне от богов? А может быть, и бегство выскочки устроил втихомолку от Богов со скуки?

ЮПИТЕР МЕЧТАТЕЛЬНО – Да я и не скрывал, что Рай Земной для Идеальной Красоты мечтаю возродить. Глядишь, с квиритами и породнимся для начала через Беренику. А уж потом.

ВЕНЕРА – Рассыплешься от ветхости, отец.

ЮПИТЕР – А уж потом, – все обновлю, исправлю каждую промашку, все пороки изживу. С нуля начнется эволюция Земли, дам новые законы для Природы, дам мамонтов и динозавров для лугов цветущих, и воцарится благодать вегетарьянства. Ни хищников, ни вольнодумцев, ни борделей ну, чем не жизнь для идеальной Красоты?

АПОЛЛОН – Увы, старик, и эта благодать тебе наскучит. Уже наскучили парфяне, греки, египтяне. И Лесбия блудливая не надолго потешила тебя. Всех стер с земли, карающей десницей, как слизь, как гниль...

ВЕНЕРА – Меня обрек на непорочность вечную, дабы

блюла безгрешность Любви и Красоты. Я молодость отдала этой службе, годочки золотые, и вот награда, – отнимаешь Красоту, прославленную тщанием Венеры. Зачем ты сделал Беренику похожей на меня?

АПОЛЛОН – Ой, не дерзи. Ты прославляешь себя на небесах. А Береника тебя прославит на Земле.

ВЕНЕРА – И ты за Беренику? Вы сговорились...

АПОЛЛОН – Мне Береника – что есть, что нет. А Рая на земле не хочет только Марс кровавый.

ЮПИТЕР – Смотри, дочура, ты всех нас перессоришь. Остерегись перечить. Я всех любил и не моя вина, что не дано Юпитеру быть однолюбом, что обречен томиться жаждой перемен. Ломать и делать, делать и ломать – судьба моя, назначенная мне Вселенной.

АПОЛЛОН – А с нею не поспоришь, слишком велика, чудовищно ее молчанье.

ЮПИТЕР – Мне много и не надо, достаточно хоть раз нимфетке разродиться полубогом– получеловеком, и племя новое землян укоренится среди квиритов. Да, поначалу – тайно будут размножаться полубоги, прикинувшись горшками. А дальше дело техники. Я вас вон, сколько наплодил с Юноной и динозавров напложу.

ВЕНЕРА СМЕЕТСЯ – Ты в детство впал, отец. Как мило бредишь наяву, ну как, скажи, ну как зачнет твоя бесполоя нимфетка, муляж из мякоти фруктовой? Скорее персик, а не женщина она. Косточкою персиковой разве разродится. Вот

будет императору потеха. Давно он метит потягаться с тобой могуществом ума и дури.

АПОЛЛОН – И я не прочь к нимфетке прикадриться. Хоть раз почувствовать на ощупь Красоту. Тебя не ущипнешь, а шаловливые ручонки чешутся...

ВЕНЕРА – Нет, ты меня не любишь, отче. Доверил славить возвышенную Красоту фруктовому фантому, моей искусственной двойнице.

ЮПИТЕР – Тьфу, типун тебе на язык! Сказал же – она вполне функциональна, чтоб за женщину сойти. Дело техники осеменить нимфетку, правда, тайной. Смотрю, ты верить перестала в чудодейственный талант отца. Квириты обожают чудеса, и Чудо им Юпитер явит. Сказал, нимфетка забеременеет и родит благополучно в срок, – и не перечь!

ВЕНЕРА – Смотрю, ты чудо отличить от глупости уже не в силах, бедный сумасброд.

АПОЛЛОН – Да ладно! Эх, чудо будет – первый сорт, ты только не кобенься, и помогай отцу.

ЮПИТЕР – Сегодня же пойдешь по городам и селам, присмотришь женщину, что на сносях, красивую, здоровую и молодую. А остальное дело техники секретной. Пока идет спектакль и вырастет нимфетка, и выйдет замуж, и забеременеет, и родит. А вот Кого родит – наш драматург еще и сам не знает.

ВЕНЕРА – Нет, нет, ты спятил, папочка. Я душу не отдам фруктовому фантому.

ЮПИТЕР – И не надо. Своя у ей останется душа и на земле. И только тело превратится из твоих иллюзий в добротный манекен, вполне функциональный, чтоб магией своей весь мир свести с ума от вожделенья.

АПОЛЛОН – А ты? Твоя возвышенная Красота теперь волнует лишь седых поэтов. Их отпустило вожделенье на свободу. Мирок их между небом и землей, там и цари. Их век недолог, не надоедят.

ВЕНЕРА – Ну почему ко мне так липнут старики... Ну разве я старуха?

АПОЛЛОН – Прости, мой ангел, молодым виднее...

ЮПИТЕР – Эх, племя молодых богов размножим, вернем на землю мамонтов и динозавров, и заживем свободными, без страха перед произволом воображения квиритов. По воле собственной, Венера, заживем. О, лепота! А там Олимп переселим на землю... Кгм...

ВЕНЕРА – Поближе к Беренике.

АПОЛЛОН – – Ага, под тепленький бочек к нимфетке.

ЮПИТЕР – А что, имею право, заслужил, земное завести потомство. Чем хуже я квиритов. Хочу иметь детей доподлинных и ангелоподобных. По совести, какой я для тебя отец, коль сам такой же виртуальный, как и ты? Так, одно названье, шутка глупая фантазии жрецов патриархальных.

ВЕНЕРА – О, неблагодарность. Они тебя себе на славу породили, а ты их изведешь, как тараканов.

АПОЛЛОН – Вот именно – они – себе на славу наприду-

мали богов и демонов подземных. Назначили Царем богов, а помыкают как шестеркой. Ты им победу обеспечишь в грабительских набегах на соседей, богатый урожай овса для конницы им обеспечишь, рабов держи в смирении, да мало ли каких претензий я претерпеваю. А что взамен? Статуи позолоченные, храмы?

ЮПИТЕР – Какое лицемерие. И храмами себя Принцессы прославляют, а не меня. Мне это надоело. АПОЛЛОН – Зажился род людской. Сотри, сотри как плесень.

ЮПИТЕР – Верну земле невинных динозавров. Вот кто оспаривать не будет Идеальной Красоты ...

ВЕНЕРА – О, неумный Громовержец, не смей мои кошечки. Пощади свой сан. Что скажут люди? Любовницею сделаешь своей нимфетку, а ведь она тебе родная дочь.

АПОЛЛОН – – Родная, да не кровная.

ЮПИТЕР – Какие люди!? Не будет на земле людей, когда Юпитер прижмет к груди прелестную нимфетку. Кто осудит? Динозавры? Сказал же, молодых богов Нимфетка наплодит, а я верну на землю мамонтов и динозавров. Помолчи! Устал тебя я слушать. Не смей Царя богов судить.

ВЕНЕРА – О, небо, старый размечтался блудодей. Да чем тебе не мил Олимп?

ЮПИТЕР – Но, но! Полегче, пустомеля!

АПОЛЛОН – Как мы, бесплотные, батяньке надоели! Из века в век одни и те же лица ошиваются у трона. И все с претензиями править миром Духа, Красоты, Любви и Благо-

нравия!

ЮПИТЕР – А мне обрыдла власть! Обрыдло быть статуей, идолом, страшилищем, кормильцем лодырей-жрецов. Обрыдло жить по прихоти фантазий дикарей. Самим собой желаю стать! Я жажду частной жизни, воплотиться хоть овощем, хоть фруктом, хоть дельфином, детишек нянчить и любить жену земную с пылом, с жаром...

ВЕНЕРА – Какой позор! Бесчестье ждет тебя. А храмы отдадут квириты Беренике.

ЮПИТЕР – Цыц, доча, не перечь! И жертвы недожаренные надоели. Квириты жрут филей, а мне кишки бросают как собаке. А я хочу шашлык! Бараний! Настоящий! С лучком и зеленью, и красным помидором, обрызганный молдавским Каберне! Хочу чтоб слюнки потекли от счастья! Хочу почувствовать как бьется сердце под рубашкой, как закипает кровь при виде обнаженной женской ляжки, на запах и на ощупь какова любовь хочу изведать! Не зли меня! Не то как разойдусь! Взорвусь как тысяча Везувиев, потоп устрою и... и... и еще похлеще что-нибудь в острастку учиню! Да! Я вас захребетников, как это, как это, волами ма-тери-ализую и пахать заставлю, и траву косить для динозавров! Вот!

ВЕНЕРА – О! Ужас! О, предательство! Так это ты подговорил несчастную нимфетку убежать на землю и плодиться подобно кошке! Наверно посулил ей даже обвенчаться незаконно, по земным обрядам! Ты предал нас, старик!

ЮПИТЕР – О, доченька, от скуки вековечной и не то

взбредет в башку.

ВЕНЕРА – О горе мне!

ЮПИТЕР – Полно, доча, убиваться. Хотел я вас потешить настоящей райской жизнью. С настоящими яблоками, настоящим вином и настоящими баба... баобабамии.

АПОЛЛОН – А кстати, будет и тебе отменный кавалер. Назначь ее, отец, Хранительницей императорской Вагины! Не то Антоний сам, назло Юпитеру назначит хранительницей бандершу Агриппу. Дай тело ей фруктовое и назначь.

ВЕНЕРА – О, горе мне! Да эту должность подарил уже Принцепс Агриппе в своем воображенье! Сегодня же заставит присягнуть чудовищу всех благородных дам. А кто не присягнет – в казармы под конвоем, гренадерам на потеху.

АПОЛЛОН – Да, маразм крепчает...

ЮПИТЕР – Не хочешь поразвлечься на Земле с кудрявым удальцом, – живи бездетная, бесплотная, как призрак – никакая... Ступай себе... Устал я от неявности твоей. Ступай с миром, звони во все святые небеса – Юпитер бабу захотел и тронулся башкой. Ха-а-а-ха-ха!.

ВЕНЕРА – Ну зачем же обижать вечную девушку. Нельзя так сразу... Я ведь райской жизни в натуре не видела. Рассказал бы, какая она, настоящая Райская житуха среди мамонтов и динозавров...

АПОЛЛОН – А там, глядишь, и понравится твоя затея... Жениха найдет... Ангелочков нарожает..., с розовыми крыльшками... Ты, Юпитер, сам виноват. Квиритов налепил из

глины, мрамора пожалел. Из глины только горшки лепить.

ВЕНЕРА – Горшок он и есть горшок. Недоделанный какой-то.

ЮПИТЕР – Так опыта не было. Поступил от Вселенского Разума заказ населить землю, а кем именно, и как это сделать в приказе не прописано. Сделал, как умел. На свой страх и риск.

АПОЛЛОН – И получилось, как всегда. Первый блин, комом.

ВЕНЕРА – Горшок горшком останется и никакая эволюция его не образумит. Я как-то от тебя тайком на землю покочетничать сбежала, так ноги унесла едва. Ты ему, глазки закатишь как бы от истомы, ресничками невинно морг, морг, про божественную любовь шепчешь, а он...

АПОЛЛОН – А он, гад, под подол лезет и всхрапывает как орангутан. Глазища кровью нальются, из ноздрей пар валит, и амбре конюшенное такое, что с ног валит.

ВЕНЕРА – Все так. Из меня дух вон, вот-вот в обморок упаду, а он тогу задирает и всхрапывает: стоять! Стоять, детка, не то снасильничаю. Ужас! Недоделал ты горшка, отче.

ЮПИТЕР – Да полно, доча. Пошутил Юпитер. Какой я, к лешему, гончар.

ВЕНЕРА – Нет, нет, дорогой папашка, не желаю быть бабой, не хочу расставаться с Олимпом. Не желаю Рая для твоей вегетарианской Красоты.

Появился автор

ПУБЛИЙ – Прошло двадцать лет. Нимфетка прижилась среди квиритов. Весталкой для начала стала Береника. А там и замуж выскочила. За Принцепса. А дальше как всегда....

ДЕЙСТВИЕ 1 СЦЕНА 2

Минута тишины. Первый звонок. Фонограмма – и.с. Бах токката ре-минор.

Второй звонок – песня Сольвейг

Третий звонок. Гроза. Темно. Подземный гул. Шепот неясных голосов.

Занавес поднимается нервно. Дергается, останавливается, опускается и вновь судорожно ползет вверх. Что-то в механизме заедает.

АГРИППА – Предикал, что за шутки! Занавес, занавес давай!

Хихиканья, девичий смех. Агриппа – беспокойно наблюдает конвульсии занавеса

АГРИППА – Дурная примета... Не к добру, ох, не к добру капризничает занавес... Скажи Юпитер, откуда ждать беду?.

ЮПИТЕР С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ЗАНАВЕСА – Драматург сказал – Любовь и Красота всему виной. Пошел молиться этим дамам работяга. Ни меры, ни удержу в благоговении, в кровь расшибает лоб. А на работу наплевать. Некому поднимать занавес.

Перед занавесом, пробегает босая, полуодетая девица. На-

пяливает роскошный белокурый парик.

АГРИППА – Венера, душечка, твой выход, а ты еще не одета! С ума сойдешь с этими лицедеями.

Занавес Лихо Взмывает До Середины И Замер. Актеры замерли в беспорядке, кого, где застиг третий звонок, в разнообразных позах прерванного движения.

АГРИППА НЕ ВИДИТ, ЧТО ЗАНАВЕС ОТКРЫЛСЯ НАПОЛОВИНУ – Тишина! Хватит валять дурака! До смотра осталось всего полмесяца! За работу! Забудьте, что играете в занюханном Доме Культуры в дремучих недрах России. Забудьте, что одеты как нищие, бродячие актеры. Представьте себя на сцене Шекспировского Королевского Театра и дайте, как следует прикурить всем нашим недоброжелателям! За работу, мои ненаглядные! За работу!

ФОНОГРАММА ГОЛОСА ДИРЕКТОРА – Кастальская! Бронислава! Опять у тебя девки голыми по вестибюлю шмыгают! Немедленно ко мне!

АГРИППА – Что вы все дергаете нас по пустякам.

ФОНОГРАММА ГОЛОСА ДИРЕКТОРА – Какие пустяки! Тут звонили из администрации. Труп мясника нашли. Меценат ваш никуда не уезжал. Дошло? Убили вашего спонсора! Прохоров никуда не уезжал! Спонсора нет и денег вам нет. Закрывай, Кастальская, свою лавочку, доигрались. Дом культуры закрывается на ремонт крыши.

АГРИППА – Как это, закрывай!

ФОНОГРАММА ГОЛОСА ДИРЕКТОРА – Так и закры-

вай. На ваши закидоны денег у меня нет. Спонсорские денежки кончились, костюмов нет, транспорта нет, спектакль на смотр не поедет!

ХОР – Ах! Ах! Ах!

АГРИППА – Да как вы смеете! Мы полгода вкалываем...

А куда же деньги прохоровские делись. Оставалось пятьсот долларов.

ФОНОГРАММА ГОЛОСА ДИРЕКТОРА – А вы на меня не орите. Вы одного света нажгли вон сколько. И воще! Я тут ни при чем. Указание поступило из отдела культуры. Или будете играть прошлогодние «Волки и овцы», или распускай свою банду по домам.

ХОР – Да как вы смеете, невежа!

ФОНОГРАММА ГОЛОСА ДИРЕКТОРА – Наш зритель ваши эксперименты не поймет! Я предупреждал! Я предупреждал! Хватит бегать голыми по сцене, хватит матюкаться через слово...

АГРИППА – Провокатор! Это все вы подстроили! Надоели мне ваши закулисные шашни, все, уезжаю. Возвращаюсь в Питер.

ФОНОГРАММА ГОЛОСА ДИРЕКТОРА – Давно пора оставить нас в покое. Хватит здесь воду баламутить. Как же вы нам надоели, госпожа Кастанльская своими экскре..., экспериментами. Это вам не Питер. Никакой культуры от вас, распустились, понимаешь ли! Почему на сцене полный свет? Забыла, что счетчик крутится. Ты разоряешь нас, Кастанль-

ская. Что это за искусство, если от него одни убытки...

ХОР – Ах, Беда! Беда! На смотр мы не поедem! За что кормильца грохнули, не знаем.

АГРИППА – За баб и грохнули. Еще одна жертва женской красоты! Эстет нашелся, понимаешь ли! Чуюло мое сердце, доиграется наш благодетель. Нашелся, наконец, настоящий мужчина, окоротил паршивца. Может и правда мне уехать?

АГРИППА ТРЯСЕТ ГОЛОВОЙ – Шабаш ребята... Прав директор. Костюмы не готовы, грима и того не на что купить. А директор на спонсорские бабки холодильник себе в кабинет приобрел! О, небеса! Куда Юпитер смотрит! Я зарежу этого засранца! Ну, сгруппировалась, пошла на абордаж! Счас я ему все зенки выцарапаю!

ХОР – Да мы ему всю морду расквасим!

Гликера продает кимоно, Маша, примеряет. Появляется гаишник капитан Жора – Аполлон.

ЖОРА – Мадамы старухи, сегодня угощаю зефиром в шоколаде. Прихватил кладовщика с кондитерской фабрики за проскок на красный свет.

Актрисы расхватывают зефир. Жора заметил следователя майора Бориса, примеряющего тогу Юпитера. Он не знает, как ее надеть.

ЖОРА – О! Какие люди и без понтолонов! Привет сыскарям! Ты-то как здесь оказался?

БОРИС – Да вот, Броня ваша попросила жену, а та уговорила меня. Актеров не хватает. Буду играть две роли, Юпи-

тера и Голос директора. Интересно ветерану сцены вспомнить молодость. Да и отпуск у меня, что толку сидеть дома.

ЖОРА – Как, без репетиций?

БОРИС – А нам раз плюнуть. Я тут, когда-то, лет пять блистал в первых любовниках, пока жена не спохватилась. Мы с ней и познакомились, и первый раз поцеловались на репетиции пьесы Шоу «Дома, где разбиваются сердца». Потом, тут девки заводные... Свежайший адреналин, понимаешь ли.

ЖОРА – Ха! Адреналин... Слухай, говорят, нашли Прохорова?

БОРИС – Нашли. В болоте, под корягой.

ЖОРА – Да ну! Кто его грохнул, понятно, не скажешь. Мотивчик подобрал?

БОРИС – У крутого бабника мотивов, что блох у пса. Тебя какой больше устраивает, на выбор: хулиганка по пьянке, ревность какого-нибудь рогоносца, происки конкурентов?

ЖОРА – Ясное дело политическое. Многим аксакалам мозолил глаза мужик, вот. Как же, бугор, владелец мясокомбината. Без его денег ни одна избирательная компания не проходила.

БОРИС – Я бы сказал – не оригинальный мотивчик.

ЖОРА – Ай, перестань. Скажи еще из-за бабы грохнули. Он же собирался баллотироваться в мэры...

БОРИС ЗАМЯЛСЯ – Собирался, как бы, но официальная версия по прикидкам прокуратуры – убийство на почве рев-

ности.

ЖОРА – И ты так думаешь?

БОРИС – Отвали. У меня отпуск. Да и тайну следствия никто не отменял. Спектакль – ёк. Зря пришел. А так хотелось в шкуре Царя богов пожить. Клевою пьесу Виталик на-строгал...

ЖОРА – А, какие давал банкеты мясник после спектаклей. С песнями до утра.

БОРИС – Меценат... На девок деньги кидал, а не на спектакли... Знаем его козлиную натуру. Это он настоял, чтобы девчонки пели и плясами голышом. Иначе денег не давал. Разве нет?

ЖОРА – Да брось ты. Заставлять девок раздеваться не надо. На это они готовы задаром. А красивые у нас девчонки, скажи? Даже Гликера, хоть и старуха, а как ходит! Струна кифары! Тронь – и зазвенит.

БОРИС – Вот, вот, распоряжался мясник трупой как своим гаремом. И пожал возмездие. А кое-кто, говорят, не растерялся. Вера, например.

ЖОРА – Было дело. У Нимфелии перед Новым годом появилось кольцо с огромным бриллиантом.

БОРИС НАСТОРОЖИЛСЯ – Огромный, говоришь, бриллиант! Так он что, как бы и Веру обломал?

ЖОРА – Точно не знаю, но за что еще кинул такие бриль-ки, такой стерве. Она кольцо недавно в ломбард сдала. Специально смоталась за 200 км.

БОРИС – Сдала? А чего испугалась?

ЖОРА – Спроси у Маши...

БОРИС – А ты – политика. Какая политика, блин! Вот она, как бы, ниточка, скажи! Нет лучших наводчиц чем бабы. Юпитер как специально их создал для удобства следователей. Ха! Чуть что, – вычисляешь бабу и порядок.

ЖОРА – А то! Что славный вещдок я тебе подкинул?

БОРИС НЕ МОЖЕТ СКРЫТЬ ВОЛНЕНИЯ. – С меня стакан, а еще кто поживился?

ЖОРА – Коньяк и столик в ресторане...

БОРИС – Заметано.

ЖОРА – Эраста в феврале приходила в платиновых серьгах с изумрудами. Девки попадали от зависти... Писистрата заплакала, вот...

БОРИС – Эраста мне – по барабану. За эту подстилку и кружку пива не поставлю...

ЖОРА, – А ты жлоб, майор.

БОРИС – Надо же, и Нимфелия не растерялась. Вот это новость... Нимфелия девушка гулящая, но не дура, не разовая. Если она решилась дать, – значит, имеет дальнюю перспективу. А какую перспективу может пообещать мясник? Кольцо подарит, ну, сапоги, а дальше что? А Верке нужна перспектива! Может быть у нее на уме свадьба с перспективой наследства?

ЖОРА – Не проханже. Нонна держала муженька на цепи, как дрессированного медведя. Презирала, но гулять не ме-

шала, а денежки его стерегла как овчарка. Верке Нонну не поймешь. Счас скажешь у Нонны заинтересованность в смерти гнусного мужа – классическая.

БОРИС – Да, классическая. Дознавателю Нонна сказала, – ничего не знаю, Вадим Ильич на неделю в Москву уехал по делам, говорит. А он в это время гужевался у лесничего на кордоне. Там его неподалеку и утопили. Частенько он «уезжал» на кордон, не могла Нонна не пронюхать. А вот соврала...

ЖОРА – Баба, испугалась, это не доказательство.

БОРИС – НЕ доказательство, говоришь... Поэтому с Нонной подождем. Вера, вот кто, оказывается, настоящая находка для следствия.

ЖОРА – Щас скажешь, у бриллиантов дурная слава, чаще кровавая.

БОРИС – Не скажу. Но одна, без помощника, Верунчик Нонну действительно не могла одолеть.

Знать бы с кем Прохоров гужевался в последний раз?

ЖОРА – С Машей, но я тебе не говорил.

БОРИС – Я – могила.

ЖОРА – Похоже, Нонна компромат собирала для развода, и потому терпела загулы пузана.

БОРИС – А что его собирать? Всем известно, Нонна только из-за наследства терпела мясника. Говорят, Нонну с Мэром застукали на даче...

ЖОРА – Сплетни, уж я-то в курсе... Мы давние друзья.

По глазам вижу, и на жену Прохорова бочку катишь. Напрасно, Боря. Бред это.

БОРИС – А говоришь классический американский мотив.

ЖОРА – Нет у Нонны на сегодня такого мужика, ради которого стоило бы грохнуть мясника. У нас такой примитив – приводит в тупик. Нонна не дура. В нашем гадюшнике все мы на виду, как под рентгеном. Не могла она рисковать. Ей достаточно было грамотно провести развод, чтобы отхватить половину всего, что нажил пузан. Но не сейчас. Она раскручивает грандиозный проект, спиртозавод строить собирается. Не время ей канителиться с мясником.

БОРИС – Ха, сплетни! Половины ей мало. Она жизнь положила, чтобы сберечь и узаконить наворованное мясником. Без Нонны он промотал бы шальные деньги на бабах. Как пришли, так и ушли. **ЖОРА** – Это единственное, что мне в нем нравилось.

БОРИС – Она своими считала его капиталы, и половиной он не откупился бы при разводе. Как бы ты ни защищал ее – тебе не зачтется, капитан. С ней ты не переспшишь ни в жисть.

ЖОРА – Плохо ты меня знаешь. Настанет день и Нонна не отвергнется. Еще ни одна телка не вырвалась из моих когтей.

БОРИС НАСМЕШЛИВО – А ты знаешь, Нонна оттягивалась в областном центре... Снимала тайком квартирку, и мясник это недавно узнал. Нанял там детектива и узнал. Вот и пришла пора Нонне ставить точку в афере с мясником... Обвинив в измене, он мог оставить ее с носом.

ЖОРА – Да кончай ты мне лапшу вешать. Я знаю, кто распускает эти сплетни. Это все Вера баламутит. Квартиру Нонна сняла, чтобы не таскаться по гостиницам. Хозяйка ей и обеды домашние готовит. У нее же язва двенадцатиперстной кишки.

БОРИС – Я же говорю – от жадности у ней гастрит.

ЖОР – Да, она вышла за деньги мясника, но грохнуть его так примитивно, когда деньги мотив – железный, нет, нет, она не дура, вот...

БОРИС – Ну ладно, убедил. Ну, а если деньги ни при чем – тогда что? Остается любовная драма.

ЖОРА – Кабы, любовная... Говорю же – нет у нее достойного любви хахаля. Нонна хоть и умна, но в любовных делах – дилетант. Что она видела в жизни, кроме работы в банке? Она так упорно добивалась денег, что на любовь ее не оставалось. погоди, ты же за Веру уцепился, отстань ты от Нонны.

БОРИС – А ты видел женщину, у которой рано или поздно любовная дурь, зажатая расчетом, не прорвется наружу?

ЖОРА – Прорвется, не спорю. Прорвется с оглушительным треском.

БОРИС – Вот и прорвалось. Денег полно, подавайте бабе любовь!

ЖОРА – Скажи – получил задание Нонну оформить под статью и взял под козырек. А Вера у тебя для отвода глаз. Хотя у Веры с подельником больше интереса в смерти мяс-

ника. Одним брильянтом эта пиранья не утешится. Тут на слабости мясника к бабам готовилась афера века. И подельник у нее был, наверное, не один.

БОРИС – Ты так оберегаешь Нонну, что можно и тебя заподозрить. Зря стараешься, не обломится тебе тела Ноны. Или у тебя не сексуальный интерес? А? Вон, ты Маргариту поколачиваешь, а? Надоела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.